

Е.И. Щербакова

«СОЮЗ НАРОДНОЙ МЕСТИ»

«Цель политического розыска — предупреждение, пресечение и исследование преступных деяний государственных»¹. Эта формула верна для службы государственной безопасности любой эпохи. Столь же древними являются и приемы работы политической полиции. Наиболее действенным средством в борьбе с крамолой всегда признавалась тайная агентура.

В первые годы существования Департамента полиции внутренняя агентура находилась «в самом зачаточном состоянии». «...Получая на месте или от Департамента чаще всего случайные сведения о возникновении каких-либо нелегальных предприятий», жандармские управления и охранные отделения «были лишены возможности подвергать эти сведения надлежащей разработке, т. к. подобные предприятия в моменты их возникновения, по существу своему, не поддаются первоначальному обследованию средствами наружного наблюдения»².

Связанные с этим проблемы в деятельности органов политического розыска наметились уже к началу 1880-х годов. Черeda терактов застала власти врасплох. Новая тактика антиправительственной борьбы и новые организационные формы революционного движения загоняли политическую полицию в тупик. С каждым дерзким покушением террористов очевидней становилась беспомощность органов сыска перед лицом сплоченной, строго законспирированной партии. Для освещения непроницаемой тьмы подполья нужна была внутренняя агентура.

Внедрение тайных агентов в организационные структуры нелегальных партий позволило бы не только контролировать революционное движение, но и манипулировать им. Даже «провал» секретного сотрудника правительства был ему на руку, подтачивая силы революционного лагеря, сея в нем подозрительность и неуверенность в своих бойцах. В конце 1908-го — начале 1909 года разразился кризис Партии Социалистов-Революционеров, вызванный разоблачением Азефа. Несмотря на все усилия эсеров, процесс распада оказался необратимым — многие боевики отошли от дел, приток свежих сил в Боевую Организацию партии резко сократился.

Политической полиции в пору было праздновать победу над террором, но возникла новая опасность. Не доверяя больше ЦК ПСР, «гнезду измены и провокации», местные организации стремились к самостоятельности, возникали новые группы экстремистского толка, часто с довольно неопределенной идеологией. Происходило расплытие террора, что крайне затрудняло работу органов сыска, охватить агентурным наблюдением все, то и дело возникающие, а затем с такой же легкостью исчезающие «противозаконные сообщества», было попросту невозможно.

Кроме того, работа с агентурой всегда таила в себе многочисленные сюрпризы, об одном из которых мне и хотелось бы рассказать.

В феврале 1909 года начальник Московского охранного отделения полковник фон Котен сообщил в Департамент полиции о том, что в его распоряжении имеются агентурные сведения о появлении новой террористической организации под впечатляющим названием — «Союз народной мести». Учредительный съезд союза якобы состоялся 14 января в Петербурге и утвердил программу, гласившую, что «в эпоху пассивности масс» бороться с существующим строем можно только насильем, которое необходимо «носителям крайнего индивидуализма» для защиты поруганных человеческих прав. «Незараженные пессимизмом самодеятельные личности», составившие «Союз», видят свою цель в «отмщении за всех жертв царского деспотизма, капитализма, крепостничества и православной церкви» путем уничтожения «всех коронованных особ и главных агентов царизма (министров, губернаторов и т. п.), попов», а также членов Государственной Думы, которую считают «наглым провокаторским учреждением»³.

Помимо экземпляра программы, «исполненного крайне неискусно на полулисте писчей бумаги при помощи гектографа», в Департамент полиции доставили брошюру «Голос народной мести о царе», которая содержала «ряд в высшей степени оскорбительных для Особы Государя Императора стихотворений».

В качестве организатора союза был назван некто Яновский, главой Московского комитета объявлялся студент Московского университета Борис Плетнев.

Во все розыскные учреждения империи были немедленно направлены запросы, однако на местах никаких сведений о личном составе и деятельности «Союза» не оказалось. Установив плотное наружное наблюдение за Плетневым и тщательно разрабатывая новоявленную террористическую группу, Московское охранное отделение тоже пришло к выводу, что «Союз» «не получил дальнейшего развития».

Однако летом он снова заявил о себе, издав воззвание «Сила против силы». От лица «вышедших из ... пустынь Туруханского края, бежавших от казни из рук палачей» членов «Союза», которые «недоступны для правительства под нерушимой броней конспирации», «товарищам гражданам» предлагалось помочь борцам с царской опричниной своею солидарностью, не поддаваясь на соблазны «конституционного пути, который клонится к усовершенствованному рабству и увеличению тиранизма»⁴. На места снова полетели запросы, и снова донесений о том, что подобные воззвания где-либо получили распространение, в Департамент полиции не поступило.

В начале сентября фон Котен сообщил, что по его данным, комитеты «Союза» имеются только в Петербурге и в Москве, на недавно состоявшемся втором съезде предполагалось создать организации в Нижнем Новгороде, Киеве и Варшаве, но эти планы реализованы не были. Выдвинул он и вполне обоснованное объяснение плачевного состояния «Союза», так и не

ознаменовавшего свое существование ни одним террористическим актом. «Я ... нахожу, что пока у «Союза» нет денежных средств, он не может явиться серьезной угрозой государственному порядку и общественной безопасности. Средства же у «Союза» вряд ли появятся, так как «Союз» отрицает экспроприации, допуская лишь в крайнем случае ограбление казенных средств»⁵.

С начальником Московского охранного отделения согласны и некоторые современные авторы, например Анна Гейфман, называющая «Союз» «наиболее серьезной попыткой объединения всех революционных групп и организаций» под знаменем индивидуального террора. Известная американская исследовательница феномена российского революционного терроризма также считает, что именно отсутствие денежных средств помешало экстремистам всех мастей «от анархистов до кадетов» выступить единым фронтом⁶.

Но при таком подходе остается неучтенной чрезвычайно важная оговорка фон Котена, который докладывал Департаменту, что «не вполне полагается на объективность агентуры», сообщившей ему все эти сведения. Подтверждением «недостаточной объективности» информации стала проведенная 25 ноября 1909 года совершенно безрезультатная ликвидация ряда лиц, будто бы принадлежавших к «Союзу».

Этот эпизод розыскной деятельности, наверное, так бы и канул в Лету, если бы не новый виток в развитии истории «Союза».

Несколько экземпляров его программы, которая на этот раз была изложена более простым языком, доступным для понимания широких масс, было разослано разным лицам и учреждениям в августе 1910 года. Вероятно, среди них оказались причастные к монархическим организациям. Для набравшего силу черносотенного движения появление нового гнездилища крамолы, угрозы осуществить цареубийство, казнь Столыпина и председателя Государственной Думы оказывались только на руку. 15 октября к Министру внутренних дел с ходатайством о разрешении созыва съезда представителей железнодорожных отделов монархических организаций России обратился председатель Марьинского отдела Русского Монархического Союза Орлов. Ходатайство сопровождалось сообщением о распространении в Москве программы «Союза народной мести».

Сигнал вызвал незамедлительную реакцию. По распоряжению товарища министра внутренних дел генерал-лейтенанта Курлова, курировавшего политический сыск, Департамент полиции затребовал от Московского охранного отделения дополнительные сведения о «Союзе». Полковник Заварзин, сменивший фон Котена на посту начальника Московской охраны, обратился к тому же агенту, который освещал эту группу прежде, и получил в наблюдение «террористок» Дикареву и Григорьеву, а также 12 конвертов с программой, подготовленных для отправки по разным московским адресам. По наведении справок, названные агентом лица, оказались «совершенно неинтересными в смысле

политического розыска», что снова вызвало сомнение в объективности агентурных данных.

В ночь на 5 ноября был арестован секретный агент Московского охранного отделения Иван Русанов. Выяснилось, что «Союз народной мести» представляет собой плод его фантазии, издания этого «злумышленного сообщества» он лично печатал на гектографе, который вместе с краской, валиком и бумагой для ротатора хранится у некоего Петра Шиченкова (что и было обнаружено при обыске). Таким образом, почти два года агенту удавалось морочить охранку, получая при этом вознаграждение, беспокоя розыскные органы по всей империи, смущая добропорядочных граждан и вводя в заблуждение историков.

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 16. Л. 37.

² ГА РФ. Ф. 102. Ос. Отд. 1902 г. Д. 825. Л. 212 об.

³ ГА РФ. Ф. 102. Ос. Отд. 1909 г. Д. 160. Л. 99—100.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 26. Л. 92 об.

⁵ ГА РФ. Ф. 102. Ос. Отд. 1909 г. Д. 160. Л. 115.

⁶ Гейфман А. Революционный террор в России (1894—1917). М. 1997. С. 274.